

ОБ ОГНЯХ-ПОЖАРИЩАХ, О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Ведущая страницы -
корреспондент
"ЮС СЕГОДНЯ"
Людмила
ГОРБУНОВА.

Остров, ставший судьбой

Эх, дороги!..

Родилась Надя в семье военнослужащего царской армии. И очень долго в семье хранилась фотография отца - Антона Михайловича Щербенко - в белом кителе, с португеей. Служил он в Гродково, охранял границу с Китаем на Амуре. После женитьбы на Анне Григорьевне родилась у них в Благовещенске дочка - Надежда. Было это уже при ином строе. Естественно, что при советской власти стал Антон Михайлович простым рабочим, переезжал с одной железнодорожной станции КВЖД на другую. И следом за ним, собрав пожитки, переезжала семья. Поначалу снимали угол в чужом доме, потом и свое пристанище появилось. Да только временное: не мог отец (или не хотел?) задерживаться на одном месте подолгу.

По тем временам это была очень маленькая семья - муж, жена и ребенок. Прежде ведь нормой были многодетные семьи. Но каждому - свое, тем более что и время было беспокойное: власть Советов установилась на Дальнем Востоке не сразу, города и села переходили от одного правителя к другому, знамена то и дело менялись.

- Впоследствии мне пришлось немало поездить, но первым запомнился переезд на станцию Биракан, - рассказывает Надежда Антоновна. - Хотя и невелика была - всего четыре года, но то, как собирала мама вещи в чемодан, не забылось. Это даже не чемодан - сундучок. Он по сей день у меня хранится. Уж сколько нам с ним довелось попутешествовать за папой!..

Сундучок этот много позже прибыл и на Сахалин: Надежда Антоновна настояла, чтобы мать, оставшаяся в Кульдуре в одиночестве после смерти отца, перебралась жить к дочери.

А на востоке мира не было...

Надя как раз закончила десятилетку, когда началась война. Пареньков сразу в армию забрали - и на фронт. Надя с подружкой поехали в другую сторону: решили поступить на курсы радистов в Хабаровске. Да только опоздали: набор завершили. Пришлось вернуться домой, в Кульдур, где при санатории работал отец, а мать - секретарем сельсовета.

- И тут узнаем с подружкой, что производят набор в фельдшерскую школу Биробиджана. Мы - туда. Сначала брали нас на полтора года как акушеров, а потом, учитывая ситуацию (не до родов в тяжелую годину!), продлили учебу еще на год, чтобы дать нам более серьезные медицинские знания и навыки. Так что в 1944 году вместе со свидетельством об окончании медтехникума пять новоспеченных фельдшериц, среди которых была и я, получили направление не на запад, а на восток. Точнее, на Сахалин.

Одну отправили в Рыбновск, другую - в Широкую Падь, третью - в Ноглики, четвертую - в горздрав Александровска, а Надежду Щербенко - в село Дербинское (ныне Тымовское).

- И стала я районным госсанинспектором. Проще говоря, начальником всех уборных, - иронизирует Надежда Антоновна.

Ирония иронией, но дело выполняла серьезное: и за порядком на объектах

Рассказывая о странствиях и мытарствах в первые годы своей жизни по городам и весям Дальнего Востока, Надежда Антоновна ЛАТОХА с улыбкой подмечает: "Максим Горький, побывав в людях", перешел затем в "свои университеты". А я же все по людям, по людям..."

следила, и требовала выполнения своих замечаний, предписаний. В стране уже отпраздновали Победу, но здесь, на Дальнем Востоке, ситуация оставалась тревожной. И, конечно, люди поговаривали о возможных сражениях. Не было это секретом и для Надежды.

- 9 августа 1945 года пошла утром, как всегда, в обход по предприятиям и учреждениям. Возвращаюсь в горздрав, а навстречу знакомая медсестра Ольга: "Где ходишь? Тебе уже повестка лежит, и бухгалтерия расчет готовит". Деньги я сразу маме отправила в Кульдур. Постель и вещи собрала, занесла в горздрав - больше нигде было их оставить. И отправилась пешком в Кировское: я была приписана к госпиталю, который в нем находился, и состояла там на воинском учете. Транспортировка тогда между се-

гимнастерки - подол рубашки, далее белые панталоны, заправленные в сапоги...

- Выхожу я в таком наряде к сидящим неподалеку капитану и интенданту: "Товарищ капитан, если встречу с врагом, ох и напугаю я его своим видом!" Он в смехе распластался по столу: "Уйди с моих глаз!" - "Ушла бы, да юбки нет!"

Если кто думает, что на войне все чрезмерно серьезно, мол, не до смеха в такие дни, то будет не прав. Все там присутствовало: и слезы, и комические ситуации, и горе, и радость встреч.

- Выдали мне юбку, иду дальше. Какой-то сержант: "Девушка, тебе сапоги не жмут?" - "Жмут!" - "Так давай махнем на мои старые". Меняем. Его старые и размером поменьше, и в голенищах не болтались, а значит, не натерли ноги. А в это время госпиталь уже грузится на "студебеккеры": готовимся выезжать на передовую линию. Ночью проехали Омор, Палево, Абрамовку и Северную Хандасу. В темноте только разрывы снарядов слышны да время от времени - вспышки пламени. На рассвете колонна остановилась. После проверки дальше поехали. Остановились у землянок. Тут нам раненых подвезли. Первую помощь им оказали в медсанбате, а нам предстояло дальше лечить, обрабатывать их раны, оперировать. Двое суток стояли мы в том районе. Двое суток возвращались к жизни красноармейцев, которых заделали осколки снарядов. У кого-то были легкие ранения, а у кого-то весьма опасные. Так что от мастерства работников госпиталя зависело многое. Вот тогда-то и состоялось мое медицинское крещение. А когда поутрихало все, подвезли нас к ДЗО-

Там, откуда японцы вели огонь по нашим бойцам. Мы с медсестрами заходить туда не стали, лишь в щель заглянули - достаточно насмотрелись и на своих убитых ребят...

А потом путь госпитальных "студебеккеров" пролегал до Найро (ныне Гастелло). Здесь военный городок, асфальтированный аэродром, ангары из гофрированного железа - и ни одного самолета: японцы еще раньше отправили их в Маньчжурию на укрепление Квантунской армии.

В Найро госпиталь был развернут в одном из самых больших зданий при аэродроме, и сюда вскоре привезли большую партию отравившихся метиловым спиртом красноармейцев. Разгоряченные успехом сражений, бойцы решили отметить победу спиртным, которого в наличии почти не было. И тогда "смекалистые" приспособились пить "жим-жим" - жидкость из японских плешек-горелок.

- Сколько же было ослепших!.. Врач приказал делать им укол стрихнина в висок. Я в страхе: "Доктор, я никогда таких не делала!" Он показал, как надо, и я стала это делать. Многих тогда удалось спасти, но немало и померло еще до прибытия в госпиталь.

Надо - значит надо. И Надя, теперь уже военный человек, научилась выполнять приказы. И когда младшему лейтенанту Щербенко вместо госпиталя пришлось работать в штабе, тут хочешь не хочешь, а будешь. Здесь и Победу встретила.

Крепкие корни

Сравнительно недавно Надежда Антоновна заламинировала желтоватый листок размером с почтовую открытку. Из бумаги, подписанной 6 сентября 1945 года майором медицинской службы Таракановым, следует, что участнику боев за Южный Сахалин в период с 9 по 23 августа 1945 года Щербенко объявлена благодарность за отличные боевые действия в приказе № 372 от 23 августа 1945 года, подписанном Верховным главнокомандующим генералиссимусом Советского Союза товарищем Сталиным. По молодости не придавала особого значения сей бумаге с профилями Сталина и Ленина. Теперь иное отношение: за неимением фронтовых фотографий (до того ли было, когда наступали, воевали, погибали...) эта бумага пробуждает воспоминания о тех, с кем шла фронтовыми дорогами.

Как сложилась дальнейшая жизнь? Сначала направили Щербенко в дорожный батальон в Победино, где и работала три осенних месяца.

- Затем дорожный батальон расформировали и нас, офицеров, направили в распоряжение округа. Стала я старшим лаборантом инфекционно-полевого подвижного госпиталя № 773, а располагался он в Смирных. Работала я при штабе непосредственно под управлением генерал-майора Бурнозяна. Обязанностей было много, но справлялась.

Здесь, в Смирных, увидела она и своего будущего мужа, служившего в 10-й воздушной армии.

Григорий Латоха, оборонявший Кавказ в годы Великой Отечественной войны и получивший там медаль "За боевые заслуги", был переведен затем на Сахалин. И на Кавказе, и здесь он, будучи опытным электромехаником, обслуживал самолеты.

Но поженились они с Григорием не сразу. Надя в следующем, 1946 году демобилизовалась и стала работать медсестрой в госпитале Южно-Сахалинска. И однажды на улице города встретила знакомого по пребыванию в Смирных паренька. Естественно, обрадовались друг другу - фронтовое братство!..

К сожалению, Григорий Сергеевич рано умер, потому Надежда Антоновна, оставшись вдовой в 35 лет, в одиночку растила двух дочерей и сына. Кстати, это обстоятельство сказывалось на ее нежелании официально становиться старшей медсестрой.

- По сути работала за старшую медсестру в нашем инфекционном отделении, но предпочитала именоваться патлатной сестрой, поскольку так я выигрывала в материальном отношении, а мне вместе с мамой необходимо было поднимать на ноги троих детей.

В госпитале она проработала более 30 лет. Выростила, выучила детей. Все они живут на Сахалине.

У Надежды Антоновны две внучки, три внука и уже две правнучки. Так что все сладилось в жизни. Остров, куда приехала, как думала, на время, стал ее оплотом.

Людмила ГОРБУНОВА.
Фото из архива семьи ЛАТОХА.

Две подружки - две Надежды. Щербенко (справа) в 1942 г. училась в Биробиджане, а Рогова - служила в армии